

Лотман Ю.М.

«К Чаадаеву»

<...> Читать стихотворение, как в дальнейшем и анализировать, следует по четверостишиям.

- I. Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман...

В первой строке следует обратить внимание на выражение «тихой славы»: речь идет о мирной, идиллической славе (известности), противостоящей грозной, боевой славе. Ср.:

Нет, он скучает бранной славой,
Устала грозная рука...

(«Бахчисарайский фонтан»)

О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями...
...Кто на тебе со славой пал?

(«Руслан и Людмила»)

Мне слава издали грозит
Перстом окровавленным...

(«Мечтатель»)

Таким образом, слово «слава» у Пушкина обычно связывается с идеями военной опасности, героизма. В данном случае слово «тихий» означает «мирный». Еще Ломоносов употреблял слово «тишина» в значении «мир». Пушкинский словарь дает одно из значений слова «тихий»: «лишенный тревог, спокойный, безмятежный». Первая строка в целом рисует идеал мирной, идиллической жизни. Вторая строка как бы опровергает первую. Представления, высказанные в первой строке, во второй названы «обманом», и само стихотворение как бы написано в тот переломный момент, когда автор распрощался с иллюзиями первой строки, оценил их как обман, сон (слово «сон» употреблялось Пушкиным в соответствии со значением французского его адекватата и в значении «призрак, неверное видение, обман». Ср. выражения: «все призрак, ложь и сон», «странным сном бывает сердце полно, / Много вздору приходит нам на ум...»). «Утренний туман» — также образ неверного, обманчивого видения. Таким образом, первая строка утверждает идеал мирной жизни, а вторая опровергает его как ложный.

- II. Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.

Здесь следует обратить внимание на метафору «горит желанье». По происхождению она является галлицизмом, калькой (дословным переводом) французского выражения, обычного во французской любовной поэзии. Ср. в стихотворении Пушкина «Стансы», написанном еще в Лицее:

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне протекши дни,
С моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини!

Однако в русском языке выражения «пылать душою», «горит желанье» приобрели подчеркнуто образный характер, связываясь с семантикой *огня* и приобретая значение

сильного, жгучего, пламенного чувства. Образу огня противостоят значения слов в следующем стихе. Они имеют семантику тяжести, подавления и как бы гасят пламень предшествующего стиха: подавляющий *гнет* (предлог «под» подчеркивает, что гнет как бы давит сверху). Власть названа *роковой*. Прилагательное, производное от слова «рок» (судьба), определяется пушкинским словарем как: «Такой, которого нельзя избежать, неотвратимый, неодолимый». В сочетании со словом «гнет» образ неотвратимой власти противостоит и пламенным желаньям поэта, и голосу зовущей его Отчизны. Нужно обратить внимание на то, что слова «Отчизна», «внемлем» и «призыванье» принадлежали к высокой, торжественной лексике. Таким образом, второе четверостишие кончается особенно торжественной строкой. <...>.

III. Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Здесь следует объяснить значение выражения «томленье упованья». <...> Желательно прокомментировать стилистическую окраску этого фразеологизма, обратив внимание на то, что «упованье» является синонимом слова «надежда»: в первом стихе надежда была объявлена обманом, здесь она связана с томленьем, то есть сильным желаньем и нетерпеливым ожиданием. <...> при анализе стихотворения выявится разное смысловое содержание этих двух синонимов.

Более тщательному разъяснению подлежит и эпитет «святая», которым характеризуется вольность. Почему Пушкин называет вольность «святой»? <...> можно обратить внимание на некоторую смысловую тонкость: в первой строке первого четверостишия упоминаются *любовь* и *надежда*. Читатель пушкинской эпохи привык к тому, что три главные христианские добродетели — Вера, Надежда и Любовь упоминаются всегда вместе (именины девушек, имевших эти имена, также праздновались в один день — 17 сентября по старому стилю). Упомянув *любовь* и *надежду*, Пушкин явно ожидал, что в сознании читателя возникнет и третье слово — «вера», но заменил его «тихой славой». В третьем же четверостишии он сконцентрировал ряд слов, производных от «вера» — «верный» — или же семантически близких к нему — «святая». Таким образом, *свободе* был придан признак высшей нравственной ценности.

IV. Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Здесь следует выделить слово «честь» и сделать его предметом специального разговора. В одном из ранних стихотворений Пушкин писал:

Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...

(«Товарищам», 1817)

Какая разница между «честью» и «почестями»?

Чувство чести, сильно развитое в кругу передовых людей пушкинской эпохи, связано с верой в человеческое достоинство, гордостью. Человек с чувством чести предъявлял к себе требования более высокие, чем те, которые ему предъявляли законы, государственная дисциплина или начальство. Честь — нравственный долг человека перед самим собой. Тот, кто солжет, предаст или струсит, — теряет честь. В кругу лучшей молодежи пушкинской эпохи было твердым убеждение, что честь важнее даже жизни и, потеряв честь,

человек не имеет права жить. В уставе декабристского общества (Союза Благоденствия) было записано:

«§ 4. Кто известен был за бесчестного человека и совершенно не оправдывается, тот не может быть принят в Союз Благоденствия. Вообще, все люди развращенные, порочные и низкими чувствами управляемые от участия в Союзе отстраняются».

Таким образом, выражение «сердца для чести живы» получало для современников понятный политический смысл.

V. Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Слово «товарищ» имело в пушкинскую эпоху иную окраску, чем та, к которой сейчас привыкли ученики. Позже Пушкин писал, говоря о ссылке декабристов:

«Каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

«Товарищи» здесь стоит рядом с «братья» и также обозначает близких единомышленников, с которыми Пушкин связан самыми тесными узами. То, что в предшествующей строке Чаадаев назван другом, а теперь товарищем, еще раз подчеркивает их единомыслие. Следует обратить внимание на слово «самовластье». Это синоним слова «самодержавие». Но «самодержавие» употреблялось в официальном лексиконе пушкинской поры и обозначало политический строй России, управляемой безраздельной царской властью. Слово «самовластье» имело оттенок осуждения, показывая, что самодержавная власть незаконна и основывается на силе.

Заканчивая работу над словарем стихотворения, следует обратить внимание на то, что вся лексика послания «К Чаадаеву» исключительно образна и легко превращается в зрительные картины. Самовластие представляется как бы в виде огромной крепости, *под гнетом* камней которой заключена Отчизна, зовущая поэта и его друга. В конце стихотворения крепость лежит в обломках, взойшла «звезда пленительного счастья» и свободная Россия пишет на ее развалинах имена своих освободителей.

Такая картинность поэзии связана с традицией аллегорий, восходящей к поэзии XVIII века. Однако она же позволяет легко представить содержание стихотворения в ярких образах.

Подготовка к самостоятельной работе. Послание «К Чаадаеву» — свободолобное политическое стихотворение, близкое к идеалам декабристов. Вместе с тем это один из художественных шедевров Пушкина. Необходимо добиться того, чтобы учащиеся восприняли стихотворение не как декларативное выражение определенной суммы идей, а как произведение искусства. Политическое содержание и художественное построение произведения следует анализировать в единстве. Это легко сделать, если, рассматривая композицию стихотворения, показать *развитие мысли*. Идея Пушкина динамично развивается от стиха к стиху. Композиция стихотворения становится для читателя одновременно и политической школой.

Не менее важна с идейной точки зрения стилистика: агитационный характер стихотворения неотделим от патетических интонаций. Стихотворение, рассчитанное на декламацию, должно читаться с пафосом. Но перед Пушкиным возникала задача создать патетическое стихотворение, которое не напоминало бы холодного пафоса торжественных од XVIII века. Стихотворение должно было быть торжественным и лирическим одновременно, выражать гражданственные чувства и в то же время быть интимным. Решение этой трудной задачи позволило Пушкину создать произведение, поражающее высоким гражданским чувством и теплотой.

Передать это своеобразие стихотворения — задача учителя. Для этого он имеет многие средства.

Первый шаг анализа — вдумчивое чтение текста. Идея произведения, его художественный смысл передаются на этом этапе интонационно: слушая запись <...> и чтение учителя, а затем овладевая навыками правильного в интонационном отношении чтения стихотворения, учащиеся, еще сами этого не осознавая, получают *истолкование* текста. Дальнейший анализ должен вывести эти подсознательные впечатления в сферу осознанного осмысления.

Основная работа после того, как проделан лексико-стилистический комментарий, может строиться следующим образом:

1. Анализ текста стихотворения.

Стихотворение «К Чаадаеву» распадается на три части: 1) первые четыре стиха, 2) от стиха «Но в нас горит еще желанье» до «Минуты верного свиданья» и 3) от «Пока свободою горим» до конца. При переходе от части к части настроение меняется, и это надо дать почувствовать ученикам.

Первая часть выдержана в стиле и интонации печальной элегии. Учащиеся по курсу истории литературы знакомы с основными признаками романтизма и романтической элегии. Лирический герой романтической элегии — печальный, разочарованный человек, утративший веру в счастье и людей. Характеризуя такого героя (в связи со своей поэмой «Кавказский пленник»), Пушкин писал:

«Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к С. Н. Гончарову от октября — ноября 1822 г.).

Этот характер разочарованного героя знаком ученикам по образу Евгения Онегина <...> и по поэзии Байрона <...>. Чаадаев тоже был не чужд разочарованности. Не случайно Пушкин в первой главе «Евгения Онегина» сравнил своего героя с Чаадаевым. Близость первых четырех стихов послания «К Чаадаеву» к романтической элегии можно показать ученикам, прочтя им полностью элегию Пушкина, написанную почти в то же самое время.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Учащиеся почувствуют интонационное родство — то есть *родство настроений* этого стихотворения и первого четверостишия анализируемого послания. При этом следует перечислить темы разочарования (любовь, мечты, надежды, вера в мирное счастье).

Отметить нужно не только сходство, но и различие: в элегии «Я пережил свои желанья...» в центре стоит «я», в послании — «мы». Смысл этой антитезы раскроется в дальнейшем анализе.

Вывод по первой части: стихотворение начинается в элегическом ключе и создает образ разочарованного, утратившего иллюзии человека.

Вторая часть начинается с резкого смыслового и интонационного контраста. Не случайно он открывается противительным союзом *но*. В центре стоит образ человека, полно-

го страстей, с кипучей энергией и силой чувств. Он противопоставляет разочарованному, печальному человеку с «преждевременной старостью души». Элегия превращается в мажорное лирическое стихотворение. Для того чтобы передать силу чувств своего героя, Пушкин строит вторую часть на развернутой метафоре — сопоставление жажды свободы и страстной любви. Следует обратить внимание учеников на энергичные выражения «горит желанье», «нетерпеливою душой» и на смелость Пушкина, вводящего в политическую лирику любовные образы: «томленье», «любовник молодой», «минуты верного свиданья». В лексико-стилистическом обзоре стихотворения мы уже говорили о том, что фразеологизм «горит желанье» в пушкинскую эпоху обычно встречался в любовной лирике, обозначая страстное чувство. Сопоставление «горит желанье» и «свободой горим» придавало ему совершенно новое, необычное в то время значение. Одновременно политическая лирика становилась интимной по интонациям, избавлялась от декламационного холода торжественной поэзии.

Третья часть представляет собой обращение к Чаадаеву, прямой призыв к борьбе. Пушкин призывает Чаадаева сохранить надежду на будущее освобождение России. Стихотворение кончается верой в грядущую славу, завоеванную в бою («На обломках самовластья напишут наши имена»). Таким образом, начало стихотворения отвергает любовь, надежду и тихую славу, а вторая и третья части восстанавливают в правах любовь, надежду и бурную славу. Подводя итоги, необходимо обратить внимание учеников на разницу в значении слов и понятий «любовь», «надежда» и «слава» в начале и в конце стихотворения. В ходе объяснения здесь потребуются комментарий к организующему стихотворение «мы»: индивидуализму романтической элегии противопоставлено чувство героического братства. Однако оттого, что «мы» объединяет поэта и его друга, стихотворение не теряет интимно-лирического характера.

<...>